

ЛЕВ ХОЧЕТ СОТВОРИТЬ ЧУДО

Ханука — праздник света и чудес. Ты мечтал о чуде? Лига еврейского волонтерства (ЛЕВ) творит чудеса для тех, кому они действительно необходимы. В сердце каждого человека есть место для любви и заботы о ближнем. В наше время все больше хочется верить в чудеса. К сожалению, очень много детей живут в детских домах, а они ведь тоже мечтают о празднике и подарках. Давайте подарим им то, что сделает их счастливыми, ведь это совсем не сложно.

Волонтеры ЛЕВ решили стать волшебниками и узнали у детей, о чем они мечтают.

По этому кьюар-коду — таблица, где указан имя малыша и его маленькая мечта. Каждый из вас может стать волшебником и исполнить любую мечту: просто пишите в личные сообщения ЛЕВ: «Я хочу сотворить чудо для этого малыша и подарить ему подарок».

Волонтеры соберут все подарки и отправят их вручать. Обязательно сделают памятные фотографии счастливой детворы, и мы разместим их в соцсетях. Чтобы все знали, как много добрых людей живет среди нас.

Давай творить добро вместе!

ЛЕВ знает, как! ♦

www.facebook.com/beitgrand

Сергей УЗУН

В это утро я посмотрел в зеркало и решил немедленно худеть. Потому что часики-то тикают, а я все еще не Бредди Купер, за которого модели дерутся с поп-звездами.

Интернет посоветовал для похудения буквально все. От йоги до расщепления урана вручную. Но большинство все-таки советовало захлопнуть пасть. В смысле жрать меньше.

Одухотворенный этой идеей, я поскакал в ресторан тут недалеко. У них внутренняя терраса, и можно курить.

Женщина-официант принесла мне меню и спросила, чего бы мне хотелось.

— Мне бы хотелось похудеть, — честно признался я. — Что бы вы мне посоветовали?

— Бежать отсюда, — посоветовала официантка. — Бег очень помогает.

— Я на голодный желудок больше пяти метров не пробегу, мадам. Поэтому давайте пойдем путем разумных компромиссов. Вот этот вот суп у вас, например, калорийный?

— Бульон, в котором варились рульки, чеснок, сыр, бекон, мясо, сухарики? Не. Не очень калорийный.

— А есть более легкий суп?

— Да. Вода с лимоном. Мы ее подаем, чтобы руки мыть, но и как суп тоже сойдет.

— Ладно, давайте чесночный.

— Мне нравится, как мы продвигаемся.

ЧТО БЫ ВЫ МНЕ ПОСОВЕТОВАЛИ?

Что-то еще?

— Да. Вот эти ребра, запеченные с медом, — они не очень жирные?

— Свиные-то? Вообще, нет. Постные практически.

— А гарниром к ним — картофель, подлая женщина?!

— Что вы такое говорите-то, нехристь заграничная? Тазик салата, пучок маринованного перца, баночка маринованного чеснока. Все здоровое очень. Если бы не бальзамико.

— Ладно. Тогда вот это вот все. И попить что-то.

— Лимонад?

— А у вас разрешено под свиные ребра лимонад пить?

— Закон не запрещает, но президентом вы никогда не станете с такими выходками. Нас это ранит. Пиво?

— Пиво. Оно же не калорийное?

— Посмотрите на меня.

— Я смотрю. И поэтому повторяю вопрос.

— Фи, какой вы хам. Хотите к пиву чипсы? Мы сами жарим.

— На свином жире?

— Конечно. Должны же мы его куда-то девать.

— Ладно. Но хлеб черный! Надо худеть.

— Хлеба я вам не дам. Вы кило ребер заказали. Куда еще хлеб?

— Да. Лучше пиво повторить. Я это долго буду есть.

— По моим расчетам, раза два придется повторить.

— Зато никакого мучного!

— Вашей силой воли можно поезда в космос запускать. Пересядьте за стол для четверых, пожалуйста. Мне надо это как-то разместить. ♦

Виктор МАРХОВСКИЙ, блогер

Успех, уважаемые друзья, бывает разный. Примерно двадцать шесть веков назад один видный греческий политик (тиран ныне забытого города Сикиона) Класифен добился успеха в гоночном спорте — его четверка лошадей победила на Олимпиаде.

На радостях Класифен решил закрепить собою, шикарно по-гомеровски выдав замуж свою дочь (симпатичная, не дура, из хорошей семьи и с деньгами).

Папа организовал состязание благородных и доблестных женихов со всех концов Эллады. Доблестные женихи прибыли и начали соревноваться. Соревновались они целый год. До финала дошли только двое: некто Мегакл из

МИНУТКА УСПЕХА

Афин и Иппоклид оттуда же. К концу фестиваля стало очевидно, что Иппоклид опережает по всем параметрам — и именно ему, вероятно, достанется рука прекрасной Агаристы Класифеновны.

На финальной вечеринке, когда результат был уже всем, в общем, понятен, Класифен предложил еще и посоревноваться в острых шутках. И здесь Иппоклид уделал Мегакла. После чего счастливый лидер гонки дал выход многомесячному напряжению и расслабился. То есть надрался в щи. Когда заиграл модный флейтист, Иппоклид начал танцевать, и это тоже был эпик.

Сначала Иппоклид танцевал просто так.

Потом он начал танцевать на столе.

Потом он встал на голову и начал дрыгать ногами.

Пока пляски были вверх головой — папа Класифен еще сдерживался. Но когда благородный Иппоклид сменил полюса — отец невесты не выдержал и выкрикнул фразу-каламбур, которую приличные люди переводят как «Похуже, ты пропаял свою свадьбу», а неприличные — «Ты все протряс своими бубенцами» (учтем, что древние греки исподнего не носили, то есть Иппоклид на голове с упавшей туникой представлял собой зрелище для гурманов).

Иппоклид в ответ выкрикнул историческую фразу:

— А Иппоклиду пофигу!

С этой фразой доблестный жених вошел в историю. Она стала поговоркой, ее цитировал Аристофан и европейские авторы (пока в Европе не перестали изучать классику). Она означала, что для говорящего главное — оттопыриться, а что он потерял в перспективе, значения не имеет.

...А тихий второй номер Мегакл (о котором вы, возможно, уже забыли) женился на Агаристе. Его успех не казался поначалу слишком громким, но он зато стал дедушкой Перикла.

Прошло более двух с половиной тысяч лет, но эти два подхода к успеху сохраняются. ♦

Наташку Жукову Толястик впервые увидел на школьном балу. Отважился пригласить на танец, а она ему отказала. Но провозить ее домой пошел он, сказав: «Нам по дороге», — отшив двух подоспевших крепышей.

Сейчас, сидя на подоконнике, она казалась неземным созданием, сотканным из света. Щекой она прижалась к его макушке. Руки, обвившие его голову, притягивали ее к едва заметной под белым шелком девичьей грудке.

— Беги, — прошептала она, на мгновение прикоснувшись губами к его губам и тут же исчезла в потухшем окне.

Мы не бежали, мы парили над булыжной мостовой, огибая прогалины лунного света. Двор беззаботно спал воротами нараспашку.

2. ДЕНЬ

Двухголовый вагончик «тяни-толкай», снующий между Черноморкой и Дачей Ковалевского, не пришлось ждать долго. Ехали молча, стоя друг за другом, одной рукой держась за деревянные кольца, привязанные к поручням, другой держали наши бамбуковые удочки, садки и ведерки для улова.

Мы перли аж на Дачу Ковалевского к дяде Володе, нашему соседу по дому, потому что он давал лодку, не требуя паспорта. До совершеннолетия нам не хватало года по три. Но по еврейской традиции, мне справили бар-мицву, и папа подарил часы «Победа». Дядя Володя отбирал их у меня в качестве залога.

...Дядя Володя одним усилием вытолкал ялик вместе с нами в прибрежный накат. Для начала нужна была ставридка. В полумие от берега мы, не бросая якоря, развернули самодуры с разноцветными перышками возле каждого из десяти крючков. Удочки затрепели

в руках. По пять-шесть серебристо-голубых атласных красавиц трепыхались на крючках при каждом забросе. Дальше было снимать с крючков, чем ловить.

Бычок шел лениво. На каждые выловленные Толястиком пять бычков мне попадался один.

— На сковородку хватит, — прикинул улов, подвел итог Толястик.

Возвращались трамваями с тремя переадами. Чем ближе к дому, тем тревожнее становилось на душе.

За полквартила до нашего дома мы увидели у ворот Фараоныча. Взмахом руки он подзывал нас к себе. Ведерко выскользнуло из моих рук.

— Не дрейфь, прорвемся, — сказал Толястик.

Фараоныч терпеливо ждал нас, засунув руки в карманы галифе.

— Как улов, пацаны? Не поганый? А кроме рыбы чего еще наловили? — поинтересовался участковый.

— Матильда, — обратился Фараоныч к сидевшей спиной к нему потомственной торговке, — у кого из твоих арбузы покрали?..

— Эй, бабоньки, у кого чего крали? — крикнула Матильда сезонщицам.

От крайней клетки, из которой ночью мы выкрали четыре арбуза, подошла продавщица, улыбаясь, спросила:

— А это что за два шкета?

Мы смотрели на нее, как замороженные: перед нами была взрослая копия Наташки Жуковой, первой любви Толястика.

— Урки это малолетние, вот кто! — возмутился Фараоныч.

— Как улов, пацаны? Не поганый? А кроме рыбы чего еще наловили? — поинтересовался участковый.

— Фараоныч, ты что из себя Шерлока Холмса строишь? — надела на него Матильда. — Ты про презумпцию невиновности слышал? Как ты докажешь, что они? Ночью они дима спят. Глянь, сколько рыбы наловили. Бери ведро и неси своей Фриме Абрамовне, — схитрила Матильда, зная слабость Фараоныча к лихонмству.

Взрослая копия Наташки Жуковой шепнула Толястику на ухо: «Вечерком приходите», — и громко, обращаясь к нам, сказала:

— Мотайте отсюда.

Мы направились в гости, когда солнце уже перекачилось через границу порто-франко к Дюковскому саду. Колокольчики смеха слышны были еще с угла Дегтярного переулка: первый звонкий, хрустальный, другой медный, вторящий. Посреди двора кружилась в цветастой расклеванной юбочке Наташка Жукова. На подоконнике выходящего в палисадник окна сидела Наташкина мама. Перед ней в эмалированной миске плавала арбузная полусфера. Жукова-старшая извлекала из нее столовой ложкой алую сахарную мякоть, смеясь от удовольствия.

— Берите ложки, помогите, — предложила большая Жукова. — Кстати, меня тетей Светой звать, а про вас мне все Наташенька рассказывала, и про ваш ночной подарок, — расхохоталась она. — Башибузуки!

Показывая, как забрасывал закидушку, я с размаху треснул по миске так, что она, подпрыгнув, выплеснула на рубашку Толястика арбузный сок.

— Меня дома убьют, — промовил окаменевший Толястик.

Художник Наталья ЛОЗА

— Укус, водка, мыло — и через час будет как новенькая, — успокоила тетя Света.

Чувствуя себя виноватым, я глядел в небо, на котором стали проступать тусклые фонарики звезд. Под дворовой водопроводной колонкой плескался Толястик. На фоне иссиня-черного от загара тела первая его любовь, Наташка Жукова, казалась неземным светлым созданием. Она промакивала скатывающиеся по спине и груди струйки воды. Внезапно набросив ему на плечи белое вафельное полотенце, притянула к себе, привстав на цыпочки. От этой сившейся в сумерках скульптуры уходил в космос трепет первого поцелуя, чтобы остаться там навсегда.

Мамой клянусь, что ярче света, вспыхнувшего над ними, мне не довелось видеть никогда.

Или это внезапно загоревшееся окно заставило зажмурить глаза? ♦